

Публикация В. Русина¹

Документы о священномученике Онуфрии (Гагалюке)²

Жизнеописание священномученика архиепископа Онуфрия

«Святой владыка» — так его еще при жизни называли старооскольцы.

«Недостойный Архиепископ Онуфрий» — так он завершал свои письма.

Всегда скромен, тих и благодушен. От детских лет сохранил в себе душевную и телесную чистоту. Жизнь вел самую аскетическую, суровую, не допускал ни в чем никакого излишества. Ежедневной пищей его служили корка хлеба, кусочек жареной на постном масле рыбы, картошка и картофельный суп. Только при болезненном состоянии употреблял молоко. Строго соблюдал посты. Никогда не ел мяса и не пил спиртных напитков. Его черные глаза всегда были овеяны нежностью и грустью. Весь его облик излучал доброту и ласку. И вместе с тем чувствовались твердость и решительность.

Таким он был. Таким его запомнили многочисленные духовные чада в Елисаветграде, Харькове, Кудымкаре, Сургуте, Тобольске, Старом Осколе, Курске, на Дальнем Востоке. Словом, во всех городах и весях, через которые пролег крестный путь святителя, расстрелянного (где — неизвестно) в первый день лета 1938 г.

«Не отвлекайте детей от Бога»

Где покоятся твои честные мощи, отче Онуфрие? Как закончил ты свою земную жизнь? Знали ли твои мучители, что мучат святого?

«Чем больше скорбей, тем драгоценнее венцы.

И все это творит над нами милующая десница Божия», — говорил владыка Онуфрий 2 декабря 1929 г., заступая на кафедру Старооскольской епархии. К тому времени сам он имел уже немалый опыт терпения скорбей. «О, если бы вы знали, дорогие, всю тяжесть креста, который лег на

Современная икона св. Онуфрия (г. Ст. Оскол).

¹ Благодарим за помощь и поддержку Полину Наумову, Елену Марюхину, диакона Олега Белых, и особая благодарность Юрию Коненко за уникальные документы и фотоснимки.

² Полученный от В. Русина комплекс документов собирался автором в течение нескольких лет на базе исследовательской работы хранителей дома-музея священномученика Онуфрия в Старом Осколе. В подборку вошли составленный В. Русиным текст жизнеописания святителя Онуфрия, написанный в виде нескольких сюжетных глав, воспоминания старооскольцев, собранные и обработанные лично В. Русиным и тексты писем святого владыки, хранящиеся у жителей города. — Ред.

мои еще неопытные рамена, — вздыхал будущий священномученик в Успенском соборе Елисаветграда на следующий день после рукоположения во епископы 6 февраля 1923 г. — Господи, Боже Милосердный! Ты видишь, как трудно мне немощному. Молю Тебя: укрепи меня в святой вере и не поколебимой преданности Церкви».

Господь услышал молитву тридцатирехлетнего архиерея и не только укрепил, но и явил его образцом крепости для прочих христиан: и современников, гонимых и искушаемых безбожной властью, и нас, жителей третьего тысячелетия от Рождества Христова, находящихся, быть может, в еще более плачевном духовном состоянии, чем христиане советского времени. Словно о нас говорит владыка: «Когда посмотришь на современное поколение молодежи: нервное, хмурое, унылое, озлобленное, то думаешь: а каковы будут их потомки? А где же причина этой нервности, сухости, черствости и озлобленности? — В забвении Бога, в отсутствии духовной жизни... Вы желаете видеть поколения своих детей здоровыми и душой и телом — не отвлекайте их от Бога».

Сын лесника

В маленьком домике на опушке большого леса в семи верстах от ближайшей деревни жила семья лесника: Максим Гагалюк (отставной ефрейтор крепостной артиллерии), его жена Екатерина (из бедных мещан) и их шестеро детей (три мальчика и столько же девочек). Самого младшего сына, появившегося на свет 2 апреля 1889 г., родители называли Антоном. Когда ему было всего пять лет, семья лишилась кормильца.

Однажды зимним вечером лесник делал обход и встретил четверых мужиков, самовольно валивших лес. Разойтись полюбовно не удалось. Максим Гагалюк не пошел на компромиссы, будучи верным своему долгу. Он, человек неробкого десятка, заставил порубщиков отступить, но в схватке с ними получил тяжелые ранения руки и головы (у порубщиков ведь были топоры). Домой Максим воротился едва живым. Жена Екатерина промыла раны, перевязала и уложила мужа. А сама (быть может, от страха) пoyerче сделала огонь.

Тем временем четверо злоумышленников замыслили новое зло. Испугавшись, что лесник поправится и сможет их опознать, они вернулись и подожгли его дом. Преступники надеялись таким образом избавиться и от пострадавшего, и от семьи свидетелей, знаяших о случившемся. Обитатели лесной сторожки не сразу поняли, что их жилище горит. А когда поняли, бороться со всепое-

дающим пламенем было уже бесполезно. Стена огня отрезала им дорогу к входной двери. Вместе с детьми Екатерине и Максиму пришлось спасаться через выбитое окно.

Дом сгорел дотла. Прибывшие из соседней деревушки крестьяне отвезли главу семьи в больницу, а мать с детьми приютили у себя. Глядя на своих бездомных детишек, женщина не смогла сдержать слез. Дети окружили ее и принялись, кто как мог, утешать. А пятилетний Антоша, взобравшись на колени к родительнице, крепко обнял ее и сказал: «Мама, ты не плачь. Когда я стану епископом, я возьму тебя к себе!» «Я была так поражена этими словами, что не поняла их значения, — вспоминала Екатерина Осиповна. — Откуда он услышал это слово?» Но мальчик повторил уверенно и серьезно: «Мама, я буду епископом. Я сам это знаю...»

Через 19 лет студент Санкт-Петербургской духовной академии Антон Максимович Гагалюк стал иеромонахом Онуфрием. В феврале 1923 г. состоялось его рукоположение во епископа. А спустя еще 10 лет сама Екатерина Осиповна стала монахиней Натальей. Постриг матери совершил ее сын — архиепископ Онуфрий.

Чудесное исцеление

После смерти отца Антон Гагалюк был определен в сиротский приют. Туда же устроилась поварихой его мать. По окончании церковно-приходской школы мальчика, как одного из самых способных учеников, на средства приюта отправили в духовное училище города Холм. (Ныне находится на территории Польши, переименован в Хельм.) Училище Антон закончил с отличием и поступил в знаменитую Холмскую духовную семинарию, в которой до 1898 г. немало потрудился будущий патриарх Тихон. Мечтал семинарист Гагалюк стать врачом или учителем. Однако за месяц до выпускных экзаменов случилось событие, заставившее его пересмотреть свои мечты. Он слег в больницу с тяжелейшим воспалением легких. В семинарии опасались за его жизнь и служили молебны об исцелении. «Я находился в забытье, и передо мной появился чудесный старец, — рассказывал матери владыка Онуфрий, — обросший большой бородой до ступней ног и седыми волосами, закрывавшими его голое тело до пят. Старец ласково посмотрел на меня и сказал: «Обещай служить Церкви Христовой, Господу Богу и будешь здоров». Эти слова поселяли во мне страх, и я воскликнул: «Обещаю». Старец удивился, и с того момента я начал поправляться. Всматриваясь затем в иконы угодников

Божиих, я заметил черты явившегося мне старца в изображении преподобного Онуфрия Великого». (Преподобный прожил в пустыне 60 лет и не раз был близок к смерти от лишений и страданий. Может быть, поэтому к молитвенной помощи этого святого прибегают чаще всего в предчувствии опасности скоропостижной смерти.)

Выпускные экзамены поправившийся Антоний выдержал с отличием и по благословению ректора семинарии епископа Дионисия поступил в Санкт-Петербургскую духовную академию. Через два года второкурсник Гагалюк отправился в Холмскую Русь в Яблочинский Онуфриевский монастырь читать лекции по богословию на курсах, организованных для группы учителей. Выполнив свою миссию, Антоний собрался обратно в Петербург, но внезапно снова заболел. Врачи признали его состояние почти безнадежным. И вновь в сонном видении больному явился тот же старец. «Ты не выполнил своего обещания, — сказал он, — посмотрев с укоризной на будущего монаха. — Сделай это теперь. Господь благословляет». «Когда я открыл потом глаза, — вспоминал владыка, — то увидел, что в келье служат молебен о моем выздоровлении перед чудотворным образом святого Онуфрия, поставленным возле кровати. Я прослезился от умиления и заявил присутствовавшему тут архимандриту Серафиму, что по приезде в академию приму иноческий постриг». Постриг состоялся 5 октября 1913 г.

Крест святителя

По окончании академии в 1915 г. иеромонах Онуфрий с ученой степенью кандидата богословия получил назначение преподавать в миссионерской семинарии при Григориево-Бизюковском монастыре в Херсонской епархии. После разгрома обители бандой Махно по просьбе жителей города Бериславль отец Онуфрий был назначен настоятелем городского собора и возведен в сан архимандрита. Затем из Бериславля его перевели в Кривой Рог настоятелем Николаевского храма.

В августе 1922 г. в Киеве собор православных епископов избрал архимандрита Онуфрия кандидатом во епископа Елисаветградского, викария Херсоно-Одесской епархии. Архиерейская хиротония состоялась полгода спустя в Киево-Печерской лавре. Совершили ее митрополит Михаил, арестованный на следующий же день, и епископ Дмитрий. Свою первую архиерейскую литургию епископ совершил в Успенском соборе в Елисаветграде при громадном стечении молящихся. Сохранилась замечательная речь владыки, произне-

сенная им в этот день.

А через шесть дней епископ Онуфрий был арестован. Несколько месяцев его перевозили из одного города в другой. Наконец, в Харькове святителя выпустили на свободу, но возвращаться в Елисаветград не велели. С февраля 1923 по декабрь 1926 г. он управлял двумя своими епархиями, не покидая Харькова. В декабре 1926 г. владыку отправили в ссылку на Урал (в с. Кудымкар), где он также познакомился с тюрьмами Тобольска и Сургута.

Свет Христов в темнице

Владыка Онуфрий только за первые два года своего епископского служения совершил около 500 богослужений, произнес четыре сотни проповедей, написал полторы тысячи писем. Кроме сего, в тот период им было написано не менее 40 обширных статей и пастырских посланий. Труд титанический, если учесть стесненность обстоятельств, в которых оказался владыка. Фактически из этих двух лет шесть месяцев он провел в тюрьмах пяти городов: Елисаветграда, Одессы, Кривого Рога, Екатеринослава и Харькова. А впереди были еще Кудымкар, Тобольск, Сургут, Старый Оскол, Воронеж, Курск, Орел, совхоз НКВД на станции Средне-Белая в Амурской обл.... И везде святитель оставался верен своему пастырскому долгу. «Нужно работать Богу и людям в тех условиях, в каких Господь определил мне жить, — писал он в одном из писем. — Служитель Христов должен нести свет Христов и в темнице, как это делали апостолы. Сказать слово веры своему случайному собеседнику, приголубить ребенка, открыто исповедовать и защитить свою веру, несмотря на насмешки и гонения неверующих, — все это значит нести свет Христов в окружающую жизнь».

В Старом Осколе

После уральской ссылки владыку Онуфрия вызвали в ОГПУ и предложили по карте СССР выбрать место своего нового проживания, а по сути, новой ссылки. При этом Москва, Ленинград, Ростов-на-Дону и вся Украина исключались. Святитель выбрал Старый Оскол. И митрополит Сергий в ноябре 1929 г. специально для него образовал Старооскольскую епархию.

Борцы с «религиозным мракобесием» обрадовались, что горячего проповедника слова Божьего удалось вновь упечь в глухую провинцию, где его никто не увидит и не услышит. Однако, как пока-

зalo время, радость их была преждевременной.

Трудно переоценить то благотворное влияние, которое оказал (и своими святыми молитвами продолжает оказывать) на духовную жизнь Старого Оскола владыка Онуфрий. За три с небольшим года его святительского служения на старооскольской кафедре почти полностью было побеждено обновленчество (церковный раскол, инициированный советской властью с целью уничтожения православия). В декабре 1929 г., когда владыка приехал в Старый Оскол, новообразованная епархия насчитывала всего два десятка православных приходов. Но уже к Светлому Христову Воскресению 1930 г. в лоно Русской Православной Церкви из обновленческого сблазна вернулся 141 храм. Само появление в наших краях епископа дало мощный импульс к духовному пробуждению после десятилетия смут, расколов и агрессивной антирелигиозной пропаганды. К слову, уже приносившей свои гнилые плоды. Епископу разрешили служить лишь в Богоявленском соборе и строго-настрого запретили куда-либо выезжать из города. Несмотря на это, он вполне успешно управлял своей епархией. Не имея епархиальной канцелярии, всех посетителей принимал в маленькой комнатке на улице Пролетарской, в которой жил. Домик, где квартировал священномученик Онуфрий, уцелел. До недавнего времени хранились там и вещи, которые помнили тепло рук святителя. Но поскольку хэндика дома большую часть года жила в другом городе, однажды туда проникли искатели приключений и цветных металлов.

Возникшая в середине 1990-х идея создать музей святого владыки долго оставалась идеей. Между тем потенциальные экспонаты уже порядком растасчили. Все меньше остается старушек, которым посчастливилось побывать на богослужениях епископа Онуфрия и услышать его проповеди. Многие приходили на архиерейские богослужения за десятки километров: из-под Корочи, Горшечного и других сел и поселков. Получали они не только святительское благословение, но и слова утешения, в которых так нуждались верующие в канун «бездожной пятилетки». Владыка использовал любую возможность для обращения к своей пастве. Его поучения звучали не только за Божественной литургией, но и во время вечерних богослужений.

«Долг святителя и пастыря Церкви — благовествовать день от дня спасения Бога нашего: и в дни мира, и в дни бурь церковных, в храме, в доме, в темнице», — писал святитель своему другу священнослужителю, который решил прекратить дело проповеди, опасаясь, что будет оклеветан и

арестован. Владыка признавался, что и сам проповедует «не без смущения, волнений и страхов. Но Господь Милосердный хранил меня, и верю: сохранит и впредь. А если угодно будет Господу — приму и скорби за слово истины. Если мы умолкнем, то кто будет говорить?»

В Старом Осколе преосвященный Онуфрий встретил 10-летний юбилей своего архиерейского служения (4 февраля 1933 г.). Месяц спустя умер иеросхимонах Анатолий (Хлебников), бывший духовником владыки весь старооскольский период. О жизни этого подвижника, 38 лет подвизавшегося в Соловецкой обители и за 10 лет до блаженной кончины вернувшегося в родной город, нам известно благодаря слову владыки, сказанному им при погребении старца. (Могила иеросхимонаха Анатолия сохранилась и по сей день. Ее нетрудно отыскать в ряду прочих за алтарем Свято-Троицкого храма в Стрелецкой слободе.) Сохранилась и фотография отца Анатолия, правда, только соловецкого периода. На ней он — еще иеромонах Августин.

Старичок-инвалид

Речь на погребении своего духовника была едва ли не последней проповедью святителя, сказанной им в Старом Осколе, так как в том же марте преосвященный Онуфрий был арестован. Уполномоченный ОГПУ обвинял его в том, что «он всегда окружал себя антисоветским монашествующим элементом и стремился в глазах наибольее фанатичных крестьян из числа верующих показать себя как мученика за православную веру и гонимого за это советской властью». Однако поскольку никаких данных об активной контрреволюционной деятельности владыки не выявилось, его задержали под арестом (сначала в Осколе, затем в Воронеже) всего три месяца. В июне 1933 г. он вышел из заключения, был возведен митрополитом Сергием в сан архиепископа и получил новую кафедру — Курскую. Оттуда через два года начался путь архиепископа Онуфрия на Голгофу. Инкриминировали ему слишком частое обращение к верующим со словом проповеди, совершение нескольких монашеских постригов и оказание материальной помощи нуждающимся.

Весну 1936 г. святитель встретил на Дальнем Востоке, в совхозе НКВД. Первое время родным и духовным чадам удавалось вести с ним переписку. Шли в Хабаровский край письма и из Старого Оскола. «Получил письмо от А.Н. из Старого Оскола, передайте ей от меня привет и благословение, — писал владыка своей матери, монахине Наталье,

оставшейся в Курске. — Очень ей благодарен и всем другим старооскольцам за то, что молятся о мне, грешном, и помнят». О себе он говорил в том же послании следующее: «Пока я отдыхаю, не работаю, как и другие старички-инвалиды...»

«Старичку-инвалиду» в тот момент едва исполнилось 47 лет...

Расстрел

В роковом 1937 г. нарком внутренних дел СССР отдал приказ об уничтожении священства, находящегося в лагерях и тюрьмах. Вскоре архиепископ Онуфрий перестал отвечать на письма. Долгое время его дальнейшая судьба оставалась неизвестной. Лишь в 1990 г. удалось выяснить, что заключенный Антон Максимович Гагалюк вместе с епископом Белгородским Антонием (Панкеевым) и пятнадцатью священно- и церковнослужителями был расстрелян 1 июня 1938 г.

Ныне священномученик Онуфрий светскими властями реабилитирован, а властями церковными причислен к лику святых. Во имя его освящены престолы в Знаменском кафедральном соборе Курска, в Спасо-Преображенском соборе Губкина и в Александро-Невском кафедральном соборе Старого Оскола. Ему посвящена большая статья в четвертом томе книги игумена Дамаскина (Орловского) «Мученики, исповедники и подвижники благочестия Русской Православной Церкви XX столетия». Митрополитом Никодимом Харьковским и Богодуховским составлено его житие. Упоминания о нем можно встретить в различных календарях и сборниках. Сохранившиеся проповеди владыки, к сожалению, до сих пор существуют только в машинописных (самиздатовских) вариантах. Впрочем, в одном московском издательстве, как нам стало известно, заинтересовалась литературным наследием святителя. И если на то будет Божья воля, в недалеком будущем слова его, за семь десятков лет не утерявшие своей силы и актуальности, отзовутся благодатным и спасительным эхом в сердцах нового поколения христиан.

Верующие в жизнь

Некоторыми исследователями жизни архиепископа Онуфрия дата его расстрела (да и сам расстрел) ставится под сомнение. Одни придерживаются версии, что в последний момент «высшую меру» владыке заменили каторжными работами. Это предположение одинаково трудно как оспорить,

так и подкрепить конкретными фактами. С одной стороны — нет могильного холмика, с другой — документов, подтверждающих то, что святитель пережил день назначенного расстрела.

Духовные чада не знали, как молиться за владыку: о здравии или о упокоении. В 1960-е годы кто-то из духовных дочерей архиепископа обратился за советом к небезызвестному старцу Тавриону. На вопрос «Жив ли владыка Онуфрий?» старец улыбнулся и ответил: «У Бога все живы...»

2. Воспоминания старооскольцев о священномученике Онуфрии

Уральская ссылка владыки Онуфрия закончилась в конце 1929 г. Много испытаний и лишений пришлось ему перенести за три долгих года. И, живя среди народа, в большинстве своем не проиницированным светом Христовой истины, не столько от тяжелых климатических условий страдал он,

Владыка Онуфрий на Оскольской кафедре.

Старый Оскол в начале XX в.

сколько от козней бесовских да злобы людской. Хозяева домов, где вынужден был останавливаться на ночлег святой владыка, за скучную пищу и предоставленный кров требовали с него самую высокую плату, нарушая не только заповеди Божии, но и правила элементарного приличия. Однажды на сельской улочке владыку едва не сбил юный конник. А взрослый мужчина на побережье ударили его ножом, предварительно поинтересовавшись, действительно ли он является православным епископом. В местной газете опубликовали о владыке статью клеветнического характера. Даже уральский священник, у которого он нашел приют, оказался пособником НКВД и помог чекистам устроить в комнате ссыльного епископа обыск.

Почему выбор владыки пал именно на Старый Оскол, объяснить сложно. Может быть, потому что этот город был поближе к Харькову, где епископ Онуфрий проживал около трех лет до уральской ссылки. Может быть, потому что Оскол никогда славился обилием храмов и набожностью жителей. А может быть, потому что незадолго перед описываемыми событиями Старый Оскол стал центром новообразованного округа, объединившего десять районов, ныне входящих в Белгородскую, Курскую и частично Воронежскую области.

Митрополит Сергий (Страгородский), местоблюститель патриаршего престола, не только одобрил выбор святителя Онуфрия, но и учредил новую епархию — Старооскольскую, назначив его ее первым предстоятелем.

Из Сургута владыку сопровождала Акилина Яковлевна Пьянкова. Акилиша (так ласково называли ее близкие) получила благословение у своего духовника всюду следовать за гонимым еписко-

пом. После последнего ареста владыки (уже в Курске) и смерти его мамы, монахини Наталии, она вернулась в Старый Оскол и до завершения своего земного пути пекла просфоры для храмов, число которых значительно уменьшилось.

К Старому Осколу священномученик Онуфрий и Акилина Яковлевна подъезжали в конце ноября. Когда до города оставались считаные километры, на станции Горшечное их сняли с поезда и, поскольку специального арестантского помещения там не имелось, трое суток продержали в подвале. Потом отпустили.

«Из окна вагона владыка любовался городом, — рассказывает Вера Александровна Степанова, — в то время были еще целы Богоявленский собор, колокольня с храмом в честь трех святителей, храм св. Николая, храм Успения Матери Божией, на возвышенности — двухэтажный храм архангела Михаила, кладбищенский храм Ахтырской иконы Божией Матери и внизу у реки — чудесный Покровский храм с иконостасом из белого мрамора.

Владыка оставил Акилишу на вокзале, а сам пошел к ближнему (Покровскому) храму пешком. Вскоре ему удалось найти квартиру в одном из самых больших домов Ламской слободы. Принадлежал этот дом Василию Архиповичу Барабашину, соседу моей мамы».

Местные власти сделали все возможное, чтобы ограничить деятельность архиерея. Они запретили ему обезжать епархию, а в самом городе разрешили служить только в одном Богоявленском соборе.

«Собор был большой, стоял рядом с теперешней тюрьмой, — вспоминает Мария Алексеевна Сергеева. — Сами мы жили на Стрелецкой слобо-

де и ходили обычно в свою церковь. Нас в семье 10 детей было. Я везде со старшей сестрой Варей бегала. Она меня старше на два года, но нас все за близняшек принимали. Когда владыка приехал в город, мне шел десятый год. Как-то Варя мне говорит: «Знаешь, что, Маш, пойдем-ка ко всенощной в собор. Там, говорят, архиерей приехал». Пришли. Я посмотрела, и так он мне понравился. Высокий, худощавый, волос темный, длинный, бородочка. А как он служил! После службы как будто летишь по воздуху, а не идешь. Начали мы с сестрой бегать каждые субботу, воскресенье и в праздники в собор. Встречали владыку на улице. Он на «линейке» подъезжал. Опирается на посох

Священномученик Онуфрий, как «неблагонадежный элемент», каждые десять дней ходил в НКВД отмечаться. Когда владыка заходил в кабинет, чекисты невольно вставали. Потом удивленно спрашивали друг друга: «Ты чего встал?» — «А ты чего?» Словно поднимала их неведомая им сила. И даже давая себе зарок никогда впредь не реагировать на приход «гражданина Гагалюка» таким образом, не могли себя сдержать.

Однажды святителю в НКВД устроили очную ставку с Захаром Саплиным, публично снявшим с себя священнический сан. Его власти нередко действовали в качестве ходячего пособия по научному атеизму. Давали ему различные награды и

Дом, где жил свят. Онуфрий в Старом Осколе. Современный вид. Фото 2003 г.

и нам кивает головой. А мы рады, бежим рядом. И провожать тоже на дорогу выбегали. Много нас было...»

С приездом владыки Онуфрия старооскольцы воспрянули духом, стали чаще посещать храмы. Многие священники вернулись из обновленческого раскола, в котором они оказались по малодушию и от безысходности. Были в среде местных клириков и те, кто отрекся от Бога ради спокойной и сытой жизни.

грамоты за активное участие в общественной жизни города. Позволили преподавать историю в учебных заведениях. Частенько на вечерах, посвященных борьбе с «религиозным мракобесием», вспоминали, как Саплин на сцене Дома культуры публично снимал с себя священнические одежды и вроде бы даже топтал их.

Так вот, в очередной приход в НКВД на владыку оказали психологическое давление. «Вот, — говорят, указывая на Саплина, — человек осо-

знал свои религиозные заблуждения и теперь живет спокойно. Почему бы вам не последовать его примеру?»

«Иуда предал Христа за 30 сребреников, а ты за сколько? — спросил священномученик Онуфрий у вероотступника и повелительно добавил: — «Захария, вынь иконы из сундука и молись».

Отрекшийся священник побледнел. О том, что он спрятал свои иконы в сундук, никому не было известно.

Весна 1930 г. выдалась многоводно. Река Оскол, тогда еще не похожая на ручеек, разлилась широко. Жители пригородных слобод, Ламской и Стрелецкой, вынуждены были, как венецианцы, передвигаться по улицам на лодках. На лодке добирался в собор и владыка Онуфрий. Это было неудобно и небезопасно. Случалось, за время дороги одежда епископа полностью промокала. Словом, возникла нужда в квартире в центральной части города. И некоторое время спустя владыка переехал на улицу Пролетарскую (до революции называвшуюся Воронежской).

«Сначала поселился он у бабушки Мавры. Как ее фамилия и отчество — не помню, — рассказывает В.А. Степанова. — Жила она через дом от моей тети Александры Никитичны Давыдовской. Я бывала в гостях у владыки, когда он еще у Василия Архиповича жил. Вспоминается, как стоял на полу самовар, им занималась Акилиша. А мне так хотелось налить владыке Онуфрию чаю. Вдруг слышу он говорит: “Акилиша, пусть Верочка мне нальет чая”. Я такая радостная была. Помню, пили чай с халвою...»

У бабы Мавры епископ Онуфрий жил недолго. Александра Никитична и ее муж Николай Иванович Давыдовы решились пригласить его к себе. Потеснились, освободили две комнаты. Волновалась, согласится ли... Владыка согласился и около трех лет, т. е. большую часть старооскольского периода своей жизни квартировал у Давыдовых. На это время гостеприимный дом превратился в настоящий духовный центр города. Сюда за советом и утешением приходили благочестивые горожане. Здесь совершались монашеские постриги. Здесь священномученик Онуфрий решал епархиальные дела, писал статьи апологетического и нравственного характера. Некоторые из посетителей домика впоследствии стали священниками и даже архiereями, к примеру, архиепископ Иоасаф (Овсянников), священник Александр Бухалов.

«Бухаловы тоже были нашими соседями, — продолжает свой рассказ Вера Александровна, — а с Александром мы вместе в школе учились. За то, что мы с ним в церковь ходили, нас водили по всем классам и говорили: “Вот, дети, это ваши

враги — богомольцы...” Василий Овсянников работал чертежником в старооскольском Геологоразведочном техникуме. И вдруг пропал. Лишь много лет спустя узнали мы, что стал он монахом и умер в сане архиепископа в конце 1970-х — начале 1980-х годов».

Все, кто когда-либо приходил в гости к владыке, на всю жизнь сохранили об этом воспоминание. Среди них были и сестры Сергеевы — Мария и Варвара.

«Домик, в котором жил наш владыка, небольшой, в три окошка, — вспоминает Мария Алексеевна, — со двора заходишь — одна комната маленькая, другая чуть побольше. Вот он в первой всегда принимал, а во второй Богу молился. И постоянно был с четками.

Однажды владыка узнал, что у Маши сегодня день рождения, и вынес ей в подарок книгу, надписав: “Машенька, все, что здесь написано, прочитай внимательно и исполняй прилежно”. На обложке книги — рисунок: Спаситель стучится в двери. “Это Господь стучится в твое сердечко”, — объясняет владыка. Мария Алексеевна очень дорожила этим подарком. Однако дала почитать двоюродной сестре, которая увлеклась рассказами баптистов. А та книжку не сберегла...»

«Владыка прозорливым был, — вспоминает Мария Константиновна Кузнецова, — незадолго до своего ареста он нам с сестрой говорил: «Скажите вашей маме, чтобы она ко мне обязательно пришла». Он и раньше маму звал, но та робела к нему подходить. Страх какой-то находил. Сатана, наверное, не пускал. А после богослужения, которое оказалось последним на старооскольской кафедре, мама подошла под благословение, и владыка ей сказал: «Чадо, молись!» Он хотел укрепить ее перед тяжелым испытанием, которое постигло через некоторое время нашу семью. Умерла моя сестра Неонилла. Она была старше меня всего на полтора года. Мама так горевала о смерти дочери, что даже хотела под поезд ложиться. Я — страшная, а Нила красивая была. Ее все наездницей называли... Нила и я были знакомы с Верою, племянницей хозяйки дома на улице Пролетарской, где квартировал владыка. Мы туда ходили в гости, приносили владыке Онуфрию клубнику (тетя выращивала). Он одну-две ягодки съест при нас. А мы рады. У нас был дальний родственник — мальчик Вася лет двенадцати. Его в домик к владыке принесли на руках, а оттуда он своими ногами пошел. По молитвам владыки Онуфрия исцелился».

Раз архиерею воспретили перемещаться по епархии, то паства со всей епархии приезжала к нему. Только однажды священномученику Онуф-

рию было разрешено служить в Свято-Троицком храме в Стрелецкой слободе, когда умер иеросхимонах Анатолий (Хлебников), его духовник.

«Он жил в сторожке при этом храме, — рассказывает Вера Александровна, — до сих пор перед глазами эта служба. Была ранняя весна, снег лежал. Владыка в белом облачении служил. Служба шла долго, четыре часа. Как сейчас помню, стоит владыка Онуфрий на могилке с лопatkой и первым бросает землю на гроб отца Анатолия. Тот тоже был необыкновенным старцем. Еще далеко до приезда владыки, когда мне было лет семь-восемь, он часто приходил в дом моей тети. Говорит: “Александра, я услышал запах блинов, что ты печешь...” Блины любил. А в благодарность за блины служил молебен, акафисты читал. Помню, все в комнате стоят на коленочках со свечами горящими. Лампадочка горит в святом углу. Освящался дом, готовился к приему святителя... Когда справляли владыке именины, в соборе все от двери входной и до алтаря было усеяно цветами. Мы всегда ему на день ангела читали стихи и пели. Нас три девочки сиротки. Помню, как владыка меня защитил, когда я прочла самый маленький стих.

Когда Христос с учениками
На Тайной Вечере сидел,
В раздумье грустными очами
Он на апостолов глядел.
Он знал, что близок день страданья,
Что скоро Он на смерть пойдет,
И что врагам на поруганье
Его предаст Иискариот.
И вот над чашею склона
Свое чело, скорбя глубоко,
Он только молвил без упрека:
“Один из вас предаст Меня”.

Вторая девочка прочла про Воскресение, третья — про Вознесение длинные стихотворения. Я постарше их года на два, на три, была. Тетя и говорит: «О, самая большая и самый маленький стишок прочла». А владыка: «Нет, Верочкино стихотворение глубо-о-окого содержания». Я сразу, как на крыльях, поднялась...

Однажды я утром проснулась, а мне говорят: «Владыку забрали». Ночью забрали. Они обычно все ночью делали. Я побежала в НКВД. В двор забежала, смотрю вниз и вижу в третьем или четвертом от выхода окне владыка стоит во весь рост в подвале. Заулышался мне. Прибегаю назад, говорю: «Я владыку видела!» — «Где?» Тетя с Акилишой побежали туда. Их, конечно, забрали, и они трое суток сидели. Пережили и допросы, и очную ставку».

«Хранительница» дома, где жил свят. Онуфрий, В. А. Степанова.

«Мы с Варею тоже бегали его проводывать, а он нас благословлял... через решетку. Эх, надо бы было ему понести яблочко или еще чего-нибудь. Но мы напуганы были... — сокрушается Мария Алексеевна, — а потом владыку увезли в воронежскую тюрьму.

Мы с Акилишой летом в июне приехали туда. Собрались в тюрьму, но получили от владыки записочку: «В тюрьму не ходите, передачу не носите. Меня освободили, я нахожусь у владыки Захарии (Лобова)». Мы обрадовались и на следующий день пошли в храм. Смотрим, идет наш владыка. Хотели мы получить благословение у него, а он мимо нас прошел. Я сначала даже обиделась. Мы какую дорогу проделали, на подножке ехали, а он нас не заметил. Это я потом поняла, что он никого не видел и ничего не слышал. Он рад был, что в храм идет, в алтарь, к престолу Божьему поклониться, и никого, кроме Господа, не видел. После службы мы в саду посидели с ним с полчаса. И все. Больше мне его не пришлось увидеть. Из Воронежа владыку направили в Курск. Туда я уже не ездила, начала работать».

Зато сестрам Сергеевым удалось побывать у владыки в Курске. «Перед Пасхой мы с Варей у ма-

мы туда отпросились. Приехали, пришли к нему на прием. Он позвал девушку, которая там при церкви работала, говорит: "Лиза, вот этих девочек устрой где-нибудь на эти дни". Она нам постелила на кухне. Три дня мы там на празднике побыли и вернулись домой. Привезли с собою много хлеба. В Осколе тогда плохо с хлебом было, а в Курске хлеба хватало. Мама обрадовалась... Потом услышали, что владыку опять посадили. Мы так горевали... С тех пор о нем ничего не слышали..."

Некоторые старооскольцы переписывались со священномучеником Онуфрием даже тогда, когда он вновь оказался под стражей. «В феврале 1937 года я вышла замуж, — говорит Вера Александровна, — супруг мой был не из нашего города, приезжий. Мама очень переживала, плакала. Владыка прислал письмо из Благовещенска-на-Амуре: "В том, что Верочка вышла замуж, нет ничего плохого. Скорблю, что брак не доведен до конца". То есть, не венчаны мы были».

В конце 1937 г. владыка перестал отвечать на письма духовных чад и родственников. О том, что он был расстрелян 1 июня 1938 г., стало известно только в начале 1990-х годов. Но где происходил этот расстрел и где находятся моши святителя, неизвестно до сих пор.

В Старом Осколе молитвенная память об архиепископе Онуфрии всегда была жива. Молились старооскольцы о его здравии, когда не знали о его смерти, потом молились о упокоении. Теперь, после канонизации (как местночтимый святой он был канонизирован в нашей епархии еще в 1994 г.), просят у него молитвенной помощи и, без сомнения, получают ее. Почти во всех храмах города имеются иконы святого священномученика Онуфрия. Один из престолов кафедрального Александро-Невского собора освящен в его честь. В православной гимназии создана комната-музей владыки. А весной 2003 г. начались восстановительные работы в домике на ул. Пролетарской, где жил и молился владыка Онуфрий.

После смерти Александры Никитичны Давыдовой дом перешел в собственность ее племянницы В.А. Степановой. Вера Александровна уже более полувека как москвичка. В Старый Оскол она приезжала только на лето. Все остальное время

здесь жили матушки-просфорницы, как правило, перед смертью принимавшие монашеский постриг. Последняя из них, монахиня Фомаида, умерла в середине 1990-х. Преклонный возраст и болезни вот уже несколько лет не выпускают из Москвы на родину Веру Александровну. За несколько последних лет нежилой дом пришел в запустение, и появились разговоры о его сносе.

За лето воссозданы келья владыки и комната хозяев. Работы в большой комнате, служившей владыке канцелярией и приемной, приостановлены на время зимы. Помимо этого собран большой материал для серьезного исследовательского труда о священномученике: фотоснимки, воспоминания, проповеди и статьи владыки. Готовится документальный фильм о его пребывании в Старом Осколе и компьютерный диск с развернутым жизнью новомученика.

«Хранительница» дома, где жил свят. Онуфрий В. А. Степанова.

* * *

Фрагмент стихотворения, написанного священником Григорием Мелиховым в день ангела владыки в 1931 г., в который старооскольские священники подарили имениннику икону Спасителя. (Сама подаренная икона в настоящее время находится у епископа Иркутского Вадима.)

С терпением сейте могучей рукою
На ниве церковной идей семена.
О счастье спасительном речью живою
Будите людей от греховного сна.

В память владыки Онуфрия мы приводим еще несколько стихотворений. Авторы их и год написания неизвестны.

Оставьте винтовки, не бойтесь восстания,
Поверьте, ваш узник от вас не уйдет.
Не сам ли внушал он всегда послушанье,
Не сам ли смиренью учил он народ.

Пред вами не злобный преступник мятежный,
Не страшный убийца, разбойник и вор.
Смотрите, как часто с молитвой прилежной
Он к небу возводит свой праведный взор.

Он Господа молит за паству родную,
Он молит за всех: за врагов, за друзей.
Хотел бы он каждую душу больную
Согреть и утешить любовью своей.

Иди же, невинный святитель-изгнаник,
Твой путь незнаком, и тернист, и далек.
Но, Бога слуга и достойный избранник,
Не будешь ты с Ним никогда одинок.

Будь яркой звездою в далеком изгнанье,
Как здесь ты светил, так свети ты и там.
И верим — настанет конец испытаньям,
И снова во славе вернешься ты к нам.

Священномученик

Разрывается рот от беззвучного крика.
В недорушенных храмах — обрывки молитв.
Эта новая ночь над страною безлика,
Эта новая боль как-то странно болит.

Нас то колет, то режет, то топит, то душит,
Ну, а мы все смеемся, заплакать боясь.
Вершиллевый дождь моросит нам на уши,
И раскисшей империи хлюпает грязь.

Голос веры народной задавлен до писка,
И ползет атеизм, словно опухоль, вширь.
Был вчера арестован наш архиепископ,
А сегодня его угоняют в Сибирь.

Не пошел на уступки он власти безбожной,
Обличал обновленцев, людьми был любим,
И теперь, как преступник,
во мгле бездорожной
Сгинет он, правосудьем неправым гоним.

* * *

Сколько светочей Божьих от ветра потухли —
Ох, и злые в тридцатые ветры гуляли —
Не дожил до седин и владыка Онуфрий.
Без вины осудили...
Без суда расстреляли...

3. Письма священномученика Онуфрия³

Письма владыки Онуфрия позволяют нам увидеть те стороны его личности, которые в проповедях и статьях скрыты архиерейским облачением и щитом апологета. Доподлинно известно, что владыка вел переписку с братьями Андреем и Владимиром, с мамой — Екатериной Осиповной (в монашестве Наталией), с другом, имя которого для нас остается загадкой. Письма к другим лицам не сохранились. Да и из того, что написано указанным выше адресатам, немногое уцелело. Но и это немногое дает многое пищи для души и ума вдумчивого читателя.

А) Письма братьям

Самое раннее из известных нам писем датировано июлем 1905 г. Шла русско-японская война. Архиепископ Онуфрий (в то время еще бывший юношей Антоном и учившийся в Холмской духовной семинарии) пишет в Маньчжурию брату Андрею Максимовичу, который поступил добровольцем в действующую армию. Письмо буквально дышит теплотой, братской любовью, заботой.

«Дорогой Андрюша! Извини, пожалуйста, что я не писал тебе ничего. Как поживаешь? Что делаешь? Получил посылку от Володи? Тебя ждет еще другая посылка. Скучно, я думаю, тебе там. У нас ничего особенного. Все живем помаленьку, полегоньку. Сергей уже хорошо ходит и говорит два-три слова. Нам не очень-то весело, без тебя скучно. Даст Бог, ты назад воротишься целым и невредимым, и мы заживем припеваючи. Что же писать больше? Я, слава Богу, перешел во второй класс без экзаменов, первым учеником. В этом году не было в семинарии и духовном училище экзаменов по случаю распространявшихся смут. В нашей семинарии ученики затеяли было тоже бунт, но начальство во время нас успокоило. Теперь в России в каждой духовной семинарии бунт, ученики желают реформ новых, так как старые страшно притесняют их... Больше, Андрюша, писать нечего. Кланяются и це-ляют тебя Мамаша, которая все жалеет, что не

³Публикация писем дана в редакции В. Русина, с его комментариями.

очень хорошо тебя кормила в Людвиле. Соня, Саша, Маня, Коленди и София. Я и Бовинев от души желаем тебе всех благ и скорого с нами свидания. Целую тебя крепко, крепко. Антон».

История жизни каждого человека, каждой семьи вписана в историю страны. Война России с Японией, сделавшая солдатами мирных людей и оторвавшая их от родных, революционные смуты 1905 г., подорвавшие мирный учебный процесс, в том числе духовных семинарий, это не просто страницы в школьных учебниках. Это страницы чьих-то биографий и даже страницы житий святых. Говорят ведь, что когда-то в России чтению учились по Библии, а истории — по житиям. В этом плане и литературное наследие священномученика Онуфрия (в том числе эпистолярное) можно рассматривать как ценнейший исторический документ. Но главным образом нас интересует личность владыки. Его становление, душевые переживания и духовное возрастание.

«Я обеспеченный и сытый»

В годы учёбы в Санкт-Петербургской духовной академии студенту Антону Гагалюку пришлось вытерпеть многое. Неоднократно он тяжело заболевал. Учился будущий архиерей добросовестно. Подолгу просиживал в библиотеке. Но больше всего его удручили не собственные болезни, не груз учебных дисциплин, которые, к слову, он изучил основательно. Больше всего студента мутило осознание того, что он не может оказывать поддержку своим близким, а, наоборот, сам нуждается в поддержке.

«Я здесь, в Петербурге, иногда задавал себе вопрос: вот, я тут, в мозге России, живу обеспеченный и сытый, а мои родные (Мама в особенности) страдают, — писал он брату Андрею. — И я приходил к мысли: не лучше ли я сделаю, когда брошу Академию и пойду в священники с тем, чтобы обеспечить родных... Ты, Андрюша, не вздумай, чего доброго, присыпать мне денег. Денег мне не нужно (занимаюсь репетицией)».

Мучит Антона и обычная тоска по родному краю. «Хотя и хороший город Петербург, но мне гораздо милее Ново-Александрия. Жду, не дожусь, когда, наконец, приеду в нее».

Монашеское настроение

Следующее письмо написано в марте 1913 г. за семь месяцев до монашеского пострига. И это чувствуется.

«Дорогой Володя!.. Настроение у меня теперь начинает складываться монашеское. Не знаю, как Бог даст, но мне кажется, что скоро я, может быть, приму монашество. Конечно, может статься, что окончив, с помощью Божией, Академию, буду где-нибудь преподавателем в духовном училище. На все Божья воля».

И вновь — история. «Романовские торжества (имеется в виду празднование трехсотлетнего юбилея дома Романовых) отразились на нашей Академии так же, как и на других Духовных Академиях, тем, что ей присвоили титул “Императорская”. В связи с этим поговаривают о новой для нас форме — более щегольской. Но меня это совершенно не интересует... Тотчас после Пасхи — экзамены, и накануне праздников я, по обыкновению, думаю поехать в Финляндию в качестве паломника. Но на каникулы, даст Бог, я постараюсь повидаться с тобою».

Скорее всего, поездку в Финляндию владыке пришлось отложить из-за тяжелой болезни, о которой нам известно из следующего ниже письма брату.

«Дорогой Володя! Прежде всего, сердечное спасибо тебе за деньги. Денег больше не присытай: хватит присланных. Здоровье мое, слава Богу, поправилось, только голова иногда побаливает, что естественное явление после тифа. Отдохну еще немного, и, с Божьей помощью, все будет хорошо. Экзаменов я не держал: все семь перенес на осень. И это не только по твоему совету, но и по настоянию нашего доктора. Кроме меня, осенью будут держать экзамен еще восемь человек. Тифом болел не только я один, всего — до 10 человек. Из них один студент четвертого курса умер».

В конце 1913 г. Владимиру Максимовичу Гагалюку пришло письмо от брата, впервые подписанное так: «Твой недостойный иеромонах Онуфрий». «8 декабря Преосвященный ректор Епископ Анастасий рукоположил меня в сан иеромонаха».

«Средство от уныния — вера в Бога и любовь к людям»

С этого времени ткань писем сплетается не только из братских чувств, но и из пастырского попечения о родных душах. Вот, к примеру, как молодой священничок предостерегает братьев от совершения роковой ошибки, развеивает мысли о самоубийстве. К главной теме он подходит издалека, начиная разговор с описания своего состояния.

«Дорогой Андрюша! Прости сердечно, что до сих пор ничего не писал я про себя. Экзамены у меня прошли хорошо. Настроение в общем бод-

рое! По временам бывает даже радостное, но иногда находит тоска... Помнишь, Андрюша, ты писал, что ты и Володя впадаете часто в уныние, и на меня тоже нападает уныние. Нужно бороться с ним. Средство — вера в Бога и любовь к людям, при своем самоотречении... Не думай, впрочем, Андрюша, что я особенно изменился, став монахом. Так же застенчив я теперь, как и раньше, ничего импонирующего во мне нет. Я, конечно, об этом нисколько не сожалею: больше будет во мне смирения. Напрасно, Андрюша, ты пишешь, что я — один носитель того хорошего и чистого, что было в нашей семье.

Пусть не покажется тебе странным это — но я скажу: мне думается (и я в этом твердо уверен), что ты и Володя — неизмеримо выше стоите меня по своим духовным особенностям. В вас обоих очень много есть хорошего. Вы делаете людям много добра. Очень возможно, что вы оба не замечаете этого. Но со стороны виднее. Ты сам, Андрюша, помнишь, какой переполох произвела в Ново-Александрии весть о том, будто ты застрелился. Ты увидел тогда, что очень и очень многим людям было неприятно узнать, что ты не живешь, а умер... И о Володе тоже можно сказать: его любят и уважают за его благородное сердце и ум... Все это я говорю, Андрюша, не для того, чтобы хвалить тебя и Володю, и не для того, чтобы ты мог возгордиться. Говорю к тому, чтобы вы оба не поддавались отчаянию и унынию и тем более не помышляли о самоубийстве. Вы вносите в жизнь любовь и добро, и потому вы оба должны работать и жить как можно дольше, ибо в этом добре и любви люди особенно нуждаются. Правда самим-то вам приходится часто терпеть неприятности, но таков закон: все доброе приобретается только через лишения, как и роза вырастает среди колючек... Итак, не унывай, дорогой Андрюша, а работай, терпи, вноси всюду любовь, как и доселе ты вносила ее... От меня прими совет: если особенно тяжко станет на душе, не постыдись — зайди в церковь и помолись. Поверь, получишь облегчение.

Неправильно, дорогой Андрюша, ты говоришь, что я забыл тебя и всех моих родных. Я никогда не забываю и никогда не забуду вас всех. Я люблю крепко и крепко буду любить всех вас. В своих грешных молитвах я часто вспоминаю всех вас. Тем более нельзя говорить, что «я отрекся от вас». Монашество от меня требует только, чтобы я не любил вас больше, чем Бога. И, конечно, я Господа Бога люблю больше всего, но это не значит, что

я ненавижу вас. После Бога и Святых Его я люблю вас, и, повторяю, люблю крепко, крепко.

Желаю тебе от Господа здоровья физического и духовного, мира. Твой брат, недостойный иеромонах Онуфрий.

П.С. Пусть Володя напишет что-нибудь про себя».

«Страдания налагают на человека невыразимую духовную красоту»

Неловко чувствует себя владыка, когда возникает необходимость сообщить родным о своих болячках. Пишет он не затем, чтобы вызвать к себе сострадание, обесокоить близких, а чтобы успокоить их, упреждая тревожные слухи.

«Дорогой Володя! Хотел скрыть от тебя, но неудобно... Я все время живу в Петербурге. После экзаменов я заболел инфлюэнцией, которая перешла в желтуху. Болезнь эта распространенная и не опасна. Плохо в ней лишь то, что она долго тянется: месяц, иногда два. Мне придется, если Господу будет угодно, еще пробыть в ней около месяца. Теперь я уже поправляюсь... В общем, я чувствую себя хорошо. К тому же, в Петрограде, по Божией милости, стоит хорошая погода».

По выздоровлении иеромонах Онуфрий с ученою степенью кандидата богословия был направлен преподавателем в миссионерскую семинарию при Григориево-Бизюковском монастыре (Херсонская епархия). Монастырь этот имел достаточную известность в тогдашней России. И даже входил в тройку обителей, владевших самыми большими, после Соловецкого монастыря и Софониевской мужской пустыни Курской епархии, земельными наделами. Известно, что во время Первой мировой войны, т.е. когда там подвизался владыка, Григориево-Бизюков монастырь бесплатно снабжал ржаной мукой свыше 750 семей ушедших на фронт солдат и офицеров⁴.

В последний день 1915 г. молодой ионик отправляет письмо-утешение брату, но нам кажется, что адресовано оно всякой душе, уязвленной унынием.

«Дорогой и милый Друг! Ты пишешь: «Тяжело мне живется, и ничто успокоить меня не может... Скучно и томлюсь...» Дорогой друг! Таков удел всех, делающих или желающих, по крайней мере, делать добро в настоящей, земной жизни. Господь говорил Своим ученикам, и в лице их всем Своим последователям: «в мире скорбни будете». Сам

⁴ Данные из книги: Зырянов П.Н. Русские монастыри и монашество в XIX — начале XX века. М., 2002. С. 284.

Он, Спаситель наш, страдал в земной жизни так, как никто до Него не страдал и не будет страдать никто уже. И все истинные ученики Спасителя невыразимо страдали и страдают на земле... Конечно, не всякие безразлично страдания — славны. Славны те страдания, которые несут за добро, за Христа, а не те, которые являются результатом греховной, развратной жизни... Не печалься же, славный брат, что Господь послал тебе страдания в земной жизни. Даже, напротив, радуйся: свои-ми, хотя небольшими, страданиями ты преобра-жаешься к славному сонму последователей Хрис-та Спасителя нашего. Страдания налагаются на че-ловека невыразимую духовную красоту. Разве вызывают сочувствие люди, во всем благополучные? А как тянетесь сердце ко всем несчастным... Если же иной человек несет страдания незаслу-женно (пусть это безобразная болезнь) — готов преклониться перед этим человеком. Не только уважаешь его, но и любишь. И когда видишь чу-жие страдания, как-то совестно делается за свое благополучие, хочешь лучше страдать. В особен-ности теперь, когда кругом так много страданий, чуткое сердце не может быть благополучным; хочется самому принять участие общем страдании. И я уверен, Андрюша, что если сам бы ты чувство-вал себя вполне благополучно, то ты был бы недо-волен, и может быть, еще больше, чем теперь, ког-да ты чувствуешь тоску и уныние. Страдания только в земной жизни имеют место... Поверь мне, Андрюша, что непременно будет будущая жизнь, что все мы будем жить новой вечной жиз-нью. Поверь, что над всеми нами распростерта ру-ка Господа, Милосердного и горячо любящего От-ца всех. Будущая жизнь свободна будет от всяких болезней, трудов, печалей: будет в ней неизречен-ное блаженство для тех, кто земной путь провел в страданиях и лишениях... Неси же, Андрюша, жизненный свой крест безропотно и терпеливо. Не падай духом, а еще сам поддерживай других!.. Распространяй вокруг себя добро, радость духов-ную и правду...»

**«Не хочется заглядывать
в прошлую жизнь»**

В последующие годы переписка владыки с род-ственниками была не такой интенсивной, как ра-нее. И опять же вину за это он взял на себя.

«Дорогой Андрюша! Твое письмо получил. Не хочется заглядывать мне в прошлую свою жизнь, мирскую — не потому, что она была плохая, а для того, чтобы не озираться вообще назад. Но иногда вспоминаешь, хоть и не время. И вот тогда как-то

болезненно дорогими кажутся родные и ты. Но те-перь я как будто чувствую какое-то равнодушие именно к своим. Когда мама приезжала ко мне в монастырь в прошлом и позапрошлом году, я был почти груб с ней, хотя не чувствовал ничего, кроме любви.

Твое письмо, хорошее, славное письмо, у меня лежит уже дня три. И только теперь я отвечаю тебе. К Володе я не писал уже около трех лет. Ко-нечно, ты веришь, что тут нет равнодушия. Но, вероятно, так нужно. Хотя я стал и дурным мона-хом (не в грубом смысле, а в духовном: плохо мол-юсь, сердце не чисто, гневлюсь, ленюсь и прочее тому подобное), но как-то хочется быть лучшим. Быть может, такое видимое равнодушие к своим близким и нужно, чтобы подниматься по монаше-скому пути. Дела мои иноческие идут средним путем. Господь миловал, особых потрясений не чувствую. Настроение спокойное. Иногда пого-рюешь. Но часто бывает и радостная минута. Жи-ву в мире со своими товарищами — преподавате-лями, монахами. Я состою преподавателем и вос-питателем одного класса. Уроки идут хорошо. Ученики, в общем, хорошо относятся ко мне, и я — к ним. Беседую с ними, этим развлекаюсь... В нынешнем году, по милости Божией, я получил не заслуженную мною высшую награду: золотой крест... Я по внешности, думается, очень молод, главным образом потому, что бородка у меня очень небольшая, так что могу казаться двадца-тилетним. И золотой крест меня как-то стесня-ет... 27 сентября 1917 года».

**«Благодарю Бога, что дал возможность
служить Ему и людям»**

А через несколько дней грянула большевист-ская революция. Пообещав землю — крестьянам, а фабрики — рабочим, новая власть отобрала монастыри у монахов. Григориев-Бизюков монастырь в то лихое время не раз подвергался нападениям различных банд всевозможных расцветок. Окон-чательный удар по обители нанесла банда батьки Махно. Многие монахи были убиты. Оставшуюся в живых избитую братию монастыря, в числе ко-торой был и иеромонах Онуфрий, у махновцев от-били вооружившиеся крестьяне.

Поправившись, он остался служить в Успен-ском соборе города Бериславля. Вскоре его назна-чили настоятелем этого храма и возвели в сан ар-химандрита. Однако это письмо написано им в марте 1921 г. еще в сане иеромонаха. Как видно из текста, теперь ему приходится надеяться не на почту, а на «оказию», на «всякий случай».

«Дорогой и милый брат Андрюша! Пишу тебе немного больной. Много было работы на первой неделе Великого поста. Притом было холодно в церкви, я обессилел и смерз. В результате — лихорадка. Боялся, что сыпной тиф. Господь помиловал меня по чьим-то святым молитвам. У меня есть помощник, тоже иеромонах. Он болел сыпным тифом, поднялся уже на днях, окреп и служил, а я пока сижу в доме: отдыхаю. Не правда ли, как Господь хранит нас, окаянных... Я не писал тебе, Андрюша, главным образом, потому, что не представлялся удобный случай. Если же была возможность, то у меня не было ни времени, ни сил. Прости... Пишу теперь тебе на всякий случай. Может, Господь поможет передать тебе письмо.

Тружусь на своем приходе по мере своих слабых сил. Как Володю любили в гимназии Людвино и во всех местах, так по милости Божией и ко мне хорошо относятся прихожане.

Это меня радует, это поднимает мой дух для работы. Уже второй год тружусь, работа эта мне по духу. Лучшей деятельности, как православного священника и архиерея, не знаю. Дал бы только Господь сил больше, чтобы всецело отдаться на служение Богу и людям.

Я устроился в частной квартире, в доме одного из самых лучших православных города Берислава, тебе известного Н. Д. Ч. Его жена, как родная мать для меня. И вообще, я чувствую себя здесь, как свой. От церкви этот дом недалеко. Каждый день непременно есть посетители, так что я ни на один день не мог отлучаться куда-либо, хотя бы в свою родную обитель, которая в 18 верстах от Берислава. Благодарю Бога, что дал мне возможность служить Ему и людям. Живу, не зная, конечно, что ждет меня впереди. Твердо положился на волю Божию. Только чувствую, что ослабевают мои физические силы... Мне в апреле будет всего лишь 32 года. Да, я — в самом цветущем возрасте — почти больной и слабый. Не может быть, я думаю, чтобы тут причиною какой-либо мой пост, потому что я не голодал никогда и только лишь пока мясо не ем. Но вот что укрепляет меня, Андрюша: апостол Павел говорит, что сила Божия в немощи совершается, и насколько внешний человек (тело) наш ослабевает, настолько внутренний человек (душа) обновляется...

Как отрадно мне было услышать, что все наши родные живы и здоровы. Даст Господь — увидимся, но когда? Может быть, уже украшенными се-

диною? Только подумаешь: Володя уже 42 года. Уже седьмой год мы не виделись с тобою... Соня, и Маня, и Иосиф Петрович писали мне письма. Я ответил им. Но на последнее письмо мамы пока не ответил, грешник!

Как же поживаешь ты, милый брат мой! Сильный духом, добрый, отзывчивый, труженик и, конечно, верующий в Бога, но, как большинство нашей интеллигенции, — мирского духа! Заглядывай, голубчик, чаще в церковь. Обязательно поговей... Об этом убедительно просит тебя твой брат, убежденный христианин, священник. Жизнь моя пастырская более радостна, Андрюша, чем уныла. С тех пор, как я принял иночество и священство, с моих глаз спала как бы какая-то стена, и я стал, в общем, радостен, спокоен, всех люблю, кто бы они ни были. Это, конечно, не мои заслуги, а милость Господа, Который призрел на меня низкородного, застенчивого до болезненности, омыл меня духовно и обвеселил. Дай, Господи, чтобы до конца дней моих сохранил меня в радости и покое. Пишу я тебе это, Андрюша, но ты не думай, что я какой-то ангел. И я ругаюсь, и завидую, и ленюсь и молюсь, и трудиться. Это мое общее настроение радостно. А временами я бываю даже жесток, хотя потом и каюсь...»

Б) Письма Другу⁶

Закончилась жизнь, началось житие

Здесь мы попытались проанализировать письма, адресованные владыкой Онуфрием некоему другу, с которым он состоял в переписке около 10 лет (с середины 1920-х годов до последнего ареста в 1935 г.). Можно с достаточной уверенностью сказать, что друг этот был в священном сане, возможно, даже архиерейском. Вероятно, владыка сознательно не называет его имени, чтобы своим знакомством не скомпрометировать Друга перед властями. Ведь известно, что дружить с опальным епископом было небезопасно. А в опалу он попал сразу же после епископской хиротонии в январе 1923 г.

Накануне архимандрит Онуфрий через своего брата Андрея получил предложения от лидера украинских обновленцев, бывшего митрополита Евдокима, присоединиться к обновленческому движению. За это ему была обещана епископская патриархия и кафедра в любой части СССР. В случае отказа Евдоким пригрозил арестом и ссылкой.

⁶ Так у святителя Онуфрия — Друг (ред.)

Отец Онуфрий не пошел на измену православию, бросив вызов обновленчеству и воинствующему безбожию. Зная, какая его ждет впереди участь, он становится православным епископом и через шесть дней после первой своей архиерейской службы отправляется в тюрьму. Как сказал бы писатель Лесков, «тут заканчивается жизнь и начинается житие».

Чтобы понять, с каким серьезным врагом вступил в поединок владыка, надо знать, что из себя представляло обновленчество.

Никогда еще в истории России государство так активно не вмешивалось в дела церковные, как после обнародования в январе 1918 г. в «Известиях ВЦИК» декрета об отделении Церкви от государства. Лев Троцкий убедил своих коллег по партии (в том числе самого Ленина), что православную Церковь можно развалить только изнутри. На базе кружка не в меру политически активных петроградских священников, кои вскоре были запрещены в служении митрополитом Вениамином, власти фактически создали новую церковную структуру во главе с Высшим церковным управлением. По меткому замечанию историка Михаила Вострышева, несогласные с ВЦУ имели дело с ГПУ.

Владыка Онуфрий неустанно в проповедях, статьях, письмах, личных беседах разъяснял, что обновленцы поставили себя вне ограды святой православной Церкви, что они раскалывают Церковь и «раздирают Христов хитон».

Главная тема писем другу — как относиться к обновленческому движению, чем оно опасно, как выполнять свой пастырский долг в создавшихся условиях: искушении обновленчеством и массовым отступлении людей от Бога.

«Церковь – единственная раздаятельница благодати»

Первое попавшее в наше поле зрения письмо написано владыкой в Прощеное воскресение 1 марта 1924 г. Оно полностью посвящено вопросу приема в православную Церковь обращающихся от обновленческого раскола, который волновал друга. «Ты спрашиваешь меня, дорогой друг, как принимать обращающихся в Святую Церковь Божию обновленческих клириков, иереев и диаконов?»

Владыка Онуфрий не дерзает решать эту проблему, актуальную и для него, самостоятельно, без согласования с другими иерархами. «По этому вопросу я много думал, беседовал со святителями Божиими и православными пастырями, а также

обращался за руководящими данными к святейшему патриарху и отцу нашему Тихону». И далее сообщается благословленный патриархом порядок, приводятся примеры. Святитель Онуфрий не только излагает практику приема, но и принципиально обосновывает ее строгость, сравнивая обновленцев с католиками.

«Для Тебя, дорогой Друг, очень ясна истина единства Церкви Божией. Вместе со всеми православными Ты исповедуешь в Символе Веры свою веру во Единую Святую Соборную и Апостольскую Церковь. Но не может быть двух Церквей. И кто не в нашей Православной Церкви, кто в разрыве с Ней — тот находится вне Церкви Божией. На этом основании никак не могут быть названы церковью ни католики-латиняне, порвавшие с Церковью еще с 1054 года, ни протестанты, которые являются ветвью латинства, ни наши обновленческие раскольники, порвавшие с Церковью весной 1922 года. С момента подчинения обновленцев безблагодатному ВЦУ, перешедшему потом в ВЦС, а затем переименовавшему себя в «священный синод», все это — не Церковь Божия, а религиозные Общества, именующие себя христианскими...»

Не кажутся ли Тебе, дорогой Друг, эти суждения строгими? Не удивляйся им, ибо в основе их лежат слова Самого Спасителя нашего, Милосердного Господа, Который такое отношение устанавливает ко всем отступникам от Церкви: «если Церкви не послушает, то да будет он тебе, яко мытарь и язычник» (Мф. 18, 17). Притом здесь и другие слова нашего Спасителя: «кто не со Мною, тот против Меня» (Мф. 12, 30). Подумай, дорогой Друг, разве католики, протестанты и обновленцы не идут против Церкви Божией? Об этом свидетельствует и история и современная жизнь...

Твердо держи в своем сознании, дорогой Друг, ту истину, что только Церковь Божия Православная есть единственная раздаятельница благодати, что только она — источник духовных дарований, что лишь святителям Православной Церкви, как продолжителям апостолов, дана власть Пастырепречальника Христа Бога: «истинно говорю вам, что вы связете на земле, то будет связано на небе, и что разрешите на земле, то будет разрешено и на небе» (Мф.18,18).

«Не закрыть свою личностью краткий лик Христа»

В следующем письме владыка размышляет о силе православного пастырства, о тяжелых обязанностях и соблазнах.

«У святителей и вообще учителей духовных всегда есть опасность забыться в своей высоте, особенно у епископов, известных и ученых руководителей, есть иногда стремление закрыть своей ничтожной личностью кроткий лик нашего Спасителя и Бога. Здесь причина появления разных сектантов, лжеучителей, лживых христиан и пророков. Именно в том, что несколько выделяющиеся по экстазу или духовной жизни делали центром внимания не Христа Богочеловека, а самих себя, жалких людей... Начальником этого направления является диавол, лучший из ангелов, но потом захотевший собою затмить Самого Бога и чрез сие низринутый с неба, от общения с Богом и светлыми ангелами, но увлекший за собою часть ангелов. Вот почему нужно всем, стоящим высоко на свещнице церковной, смиряться постоянно и сознавать, что без Христа Спасителя мы — ничего, что только с Ним можно делать много добра...»

Владыка приводит в пример святого пророка Иоанна Крестителя, не воспользовавшегося положением для собственного возвышения, а смиренно преклонившегося перед кротким Агнцем мира, грядущим на Иордан: «Побольше смирения, побольше сознания своего ничтожества, и тогда и Господь пошлет нам обильную Свою благодать, ибо Господь гордым противится, а благодать дает смиренным».

Выявляет владыка еще одну проблему, остро вставшую в 1920-е годы: «Ты, конечно, замечашь, как постепенно редеют ряды лучших наших святителей, опытных и в жизни духовной, и в церковном управлении, ученых богословов. А на смену им идут менее опытные в жизни духовной, не так ученыe, а там сзади уже и простые своими знаниями. Между тем, в ряды неверующих входят люди, насыщенные мирскими науками, с целью определенно — подорвать силою науки устои Церкви Божией. Будут ли у нас великие святители-апологеты? Вот тут и утешайся, дорогой Друг, этими словами нашего Господа... “Ты утаил сие от мудрых и разумных и открыл младенцам. Ей, Отче! Ибо таково было Твое благоволение” (Лк. 10, 21). Господь силен наставлять и слабых и неученых и через них возвестить нужные слова истины, как говорит Он: “Сила Моя совершается в немощи” (2 Кор. 12, 9). Вот здесь, дорогой Друг, и есть наше великое утешение: что Господь дело Церкви Своей вручил не человеческим слабым и изменчивым силам, пусть даже верным и добрым, а оставил за Собою, Он есть постоянный Кормчий Церкви Своей и во всякую минуту Ею правит, а люди — всего лишь приставленники. Правда, от усердия и нераде-

ния служителей Церкви Божией зависит и духовная участь верующих: или их вечное блаженство, или вечные муки, и в этом их великая ответственность, но судьба Церкви, самое существование Ее — в руках Ее главы, Спасителя, Христа Богочеловека (Еф. 1, 22—23).

Никто и ничего не одолеет Церкви Божией, ибо Она создана и держится Богочеловеком, а не людьми: здесь необходимое основание всегдашнего нашего духовного оптимизма!.. Не будем унывать, дорогой Друг, но, оставаясь всегда верными служителями дома Божьего (Езд. 3, 20), постараемся со всем усердием трудиться каждый над своим духовным виноградником, его же насади десница Господня».

В) Письма из заключения

Сохранилось семь писем владыки Онуфрия, которые он отправил в Курск матери (монахине Наталье) в 1936–1937 годах, будучи узником совхоза НКВД на Дальнем Востоке. Естественно, по своему содержанию эти послания значительно отличаются от полемических статей, проповедей, толкований на Священное Писание и даже писем другу. По стилю изложения и самому содержанию они напоминают письма владыки к братьям, которые мы разбирали в первой части. В них также много личных моментов, что позволяет лучше разглядеть личность священномученика. Даже в униженном состоянии он остается великим пастырем Христовым, личным примером показывая, как нужно вести себя христианину в антихристианской обстановке. Владыка Онуфрий, подобно древним святым отцам, переживавшим неправедные нападки и гонения, за все благодарит Бога. В письмах он утешает духовных чад, передает им благословение, благодарит за заботы (письма, денежные переводы, посылки) поздравляет с праздниками. Впрочем, не утаивает он и о том, в каком состоянии находится сам. Но никогда в этих откровенных признаниях мы не приметим и тени ропота.

Последний раз архиепископа Онуфрия арестовали в июле 1935 г., когда он занимал Курскую кафедру. За полтора года тюремно-лагерных муктарств владыка, и без того не отличавшийся крепким здоровьем, окончательно его подорвал.

«Пока я отдыхаю, не работаю, как и другие старички-инвалиды, — пишет он в декабре 1936 г. — По милости Божией — я здоров, хотя сердце немного болит. Дышать трудно иногда бывает. Это от малокровия и от нервов. Сегодня чувствую се-

бя спокойно. Получил письмо от А.Н.⁶ из Старого Оскола. Передайте ей от меня благословение. Я получил другие ее письма раньше. Очень ей благодарен и всем другим старооскольцам за то, что молятся о мне, грешном, и помнят...»

«Я очень благодарен за память, — продолжается дальше письмо. — Дай, Господи, всем нам молиться, о чем я все время мечтаю. Только я совсем по внешности изменился — настоящий дед: седой и безволосый с маленькой косичкой».

Вместе с владыкой в Курске арестовали отца Ипполита Красновского. В дальневосточном лагере они держались друг за друга. Порой удавалось общаться с другими земляками — епископом Белгородским Антонием (Панкеевым), священниками Николаем Садовским, Митрофаном Вильгельмским, Василием Ивановым, Николаем Кулаковым, Максимом Богдановым, Михаилом Дайнекой, Александром Ерошовым, Александром Саульским, Павлом Поповым, Павлом Брянцевым, псаломщиками Григорием Богоявленским и Михаилом Вознесенским. Позднее против всех них было начато новое «дело», завершившееся смертным приговором. Еще один узник из Старого Оскола, — священник Виктор Каракулин, — так же арестованный в Курске, не дожил до этой новой затеи энкавэдэшников.

«Об отце Викторе сообщаю вам печальную весть, — писал архиепископ Онуфрий в мае 1937 г., — он умер 7 мая, то есть в пасхальную пятницу от туберкулеза и болезни желудка в больнице. Его уже похоронили... Мы не думали, что он так скоро уйдет от нас, дорогой собрат наш. Но да будет воля Божия. Отец Виктор еще в феврале был довольно бодрым, мечтал скоро побывать в своих краях. Помолитесь о нем усердно!»

Печалился владыка, что отцу Ипполиту род-

ные и знакомые писали редко. Именно поэтому часто находился в беспокойстве и скорби. Редкое письмо обходилось без того, чтобы священномученик Онуфрий не справился о здоровье Дедушки. Так он называл митрополита Сергея (Страгородского), управлявшего тогда Церковью и впоследствии ставшего патриархом. Интересовался архиепископ Онуфрий и тем, как живет его преемник по курской кафедре епископ Феодосий.

Духовные чада поддерживали своего пастыря чем могли. «Приншу глубокую благодарность всем добрым моим благодетелям, — отзывался он. — Теперь я на новом месте в том же совхозе. Здесь мне труднее. Работаем на открытом воздухе — молотим хлеб весь день. Там же и обедаем. Но Господь дает мне силы и терпение. Уже восемь месяцев я на открытом поле работаю непрерывно, кроме дней десяти, когда я хворал или была ненастная погода. Но здоровье мое не ослабело. Я даже перестал кашлять. Лишь по утрам кашляю...»

Из более позднего письма: «...в общем, приходится нести лишений немало. Душою я спокоен, за все благодарю Создателя, Который всегда заботится о нас».

И, наконец, фрагмент одного из последних посланий владыки. Из него мы узнаем, что вести переписку ему стало труднее. Многие письма перестали доходить до адресатов. Однако душой священномученик Онуфрий по-прежнему спокоен: «Это письмо вы, вероятно, получите на Пасху. Поэтому всех вас, дорогих, приветствую: Христос Воскресе! Я работаю на огороде, работа не особенно тяжелая. За все слава Богу... Всего хорошего от Господа всем вам желаю. Молитесь о нас грешных. Здоровье у меня — слава Богу, прежнее. С любовью ваш сын, недостойный А.О.».

⁶А.Н. — это, по всей видимости, Александра Никитична Давыдова, хозяйка домика на улице Пролетарской (№47), в котором квартировал владыка Онуфрий, когда жил в Старом Осколе.